

Николай ИВЕНШЕВ

станция Полтавская,
Краснодарский край

рассказ

Она родилась первого апреля. И как тут не быть суеверной, коли жизнь все время над Галей шутила? С самого начала. Вот значение ее имени, к примеру. По-итальянски «Галина» — курица. Как тут не вспомнить: в то время все телевизионные программы орали «Галина Бланка», рекламируя желтые брикетки с синтетическим запахом куриного мяса.

Да это все цветочки! Подложила судьба ей самую злую шутку. Вот и лежит она спиной на подушке, и копается в клубках вязальной шерсти. То жилетку вытянет спицами из этих шариков, то варежки Антошке, внуку. А то вот как-то давно на осеннее пальто замахнулась. Думала, так кто же его носить-то будет! Связала из-за мечты. Надеялась, наши ученые изобретут что-нибудь — и она крепко встанет на ноги, и ногой же отшвырнет в сторону инвалидную коляску, приткнутую у широкой кровати.

Да, видно, ученые не тем заняты — бомбы совершенствуют. А ей придется ловить в зеркале нитки, которыми опутывает время, раскручивая эти нитки у головы, на лице, вокруг шеи и всего того, чем она давным-давно гордилась и чему радовалась.

Это сейчас она дарит всем подряд шарфики и пуловеры, а тогда, сияя всем, даже кончиками ногтей, подарила себя Ваську. И он, как и положено мужчине, молча получил этот подарок в тесном углу жилья, которое они снимали у разомлевшей от солнечных ударов тети Поли.

Тётя Поля оправдывала свою полноту тем, что много бывала на солнце, любила это и все рассказывала, что покойный муж Афанасий Никитич звал её «Солнечный зайчик».

Васёк получил этот подарок уже с развязанным бантиком домашнего халата и сразу же решил жениться на Гале. Это вполне по-мужски. Его руки были несколько грубоваты, но это даже хорошо. Мужчина — завоеватель. Тем более что он мечтательный мужчина. Но он ведь не только завоеватель, но еще и строитель, каменщик.

После сладкого подарка он немного размяк и размечтался:

— Вот уедем на Салехард... — он говорил это, будто Салехард — Багамские острова. — Вот уедем, деньжонки заколотим, купим себе «Мерс» и широченную кровать, — Васёк помолчал. — Для таких вот дел. Так ведь, мой Рогалик! — он пощекотал Галю там, где грудь переходит в подмышку. Все её тело было смуглым и действительно румяным, как известное кон-

дистерское изделие. — Ты там стряпать станешь, а я: «Камень на камень — кирпич на кирпич, умер наш Ленин, Владимир Ильич!»

Но мечте так быстро исполниться не случилось. Галя забеременела, родила. Куда с дитем — в холод! На Север, на обустройство БАМа, они поехали спустя три года вместе с Маришкой, дочерью.

Васёк к тому времени уже запоями стал страдать. Это болезнь всех — почти всех — первоклассных мастеров. А он был Васёк-золотые руки. Так себя называл и в своих пьяных разглагольствованиях сообщал, что по одному щелчку о ребро кирпича знает, сколько тот кирпич проживет. И стену он вел, не пользуясь инструментом, приговаривая «Глаз-ватерпас!» Действительно так. Хозяева шабашек Васька, конечно, по завершении кладки хорошо угощали и совали деньги — расплачивались. Васёк пил-ел и дорогой забегал в значные места, угощая спиртным кого ни попадя.

Поездка на БАМ могла бы исправить Васька, ведь там строители ведут исключительно трезвый образ жизни. И Васёк всегда по трезвянке, особенно с похмела, сообщал: «У меня сила воли — во-о-о!» — и сжимал побелевший от натуги кулак.

На Севере жили в вагончиках. Водку и в самом деле там было трудно достать. Лишь у оленеводов, за сорок кэмэ от их СМУ. Да и зачем? Натешись за день так — не до пьянок.

Был здесь и маленький детский садик, так что Маришка была пристроена. И Гале за кулинарию платили недурственно. Она любила готовить. Каждый раз старалась порадовать «ребят» новыми блюдами: для узбека Файзулы плов как-то сварила, для Асланбека из Казани — азу. Кусочки поджаренного, потом распаренного мяса просто таяли на языке. И, конечно, пекла Галя своё коронное блюдо — рогалики. Это было что-то! Электрик Костя Синёв, балагур и весельчак, жуя это чудо кулинарного искусства, подмигивал и ей, и окружающей человеческой среде: «Ум отъешь!» И случилось же такое, что она, Галя, и Костя Синёв отъели оба своих ума.

Дело было по весне. Сугробы кое-где таяли. И их мастер Сергей Павлович Мозгунов разрешил Синёву сбегать на вездеходе к оленеводам: «Отметим Международный день весны и труда». Костя принес стучащие бутылки, завернутые в

мешковину, и попросил Галю положить их в подсобку до поры. Какой такой поры! «Ребятунки» уже знали, и большинство из них с утра, потеряв важную усталость, передвигались как бы пританцовывая, легко.

Васёк тоже изменился. Он знал, что вечером грядет испытание. Ему было радостно от того, что опять почувствует жжение внутри себя и это жжение сделает его другим человеком — не Васьком-золотые руки. А что ему делать? Он плел разную ерунду да выпевал, фальшивя, пошленький куплет: «Приходи ко мне на БАМ, я тебе на рельсах дам». После одного из таких припевчиков он дернул Галю за руку — та шинковала капусту для салата:

— А чёй-то женщина дает? Это ведь неправда. Мужчина дает-то! Всё бабе даёт.

— Не глупи и отстань.

Сергей Павлович Мозгунов никого не удержал на вечерней праздничной попойке. Пытался-то пытался, но потом махнул рукой и сам стал глушить стакан за стаканом. Немного выпила и Галя, поглядывая на мужа, который оказался на редкость молчаливым. С утра, наверное, весь запас слов израсходовал.

Как-то так случилось, что ей надо было зайти в подсобку. Пока рылась в картонных ящиках с рыбными консервами, туда юркнул Костя Синёв. Он плотно закрыл дверь и опрокинул её в полупустой картон — в какую-то лунку. Костя жестко обнял её, и Галя с трудом оторвала его руки от своей талии.

У него были серьезные, не такие, как всегда, глаза, — серьезные, но какие-то злые. Можно было бы закричать, и все бы услышали. Но вот закричит она, все жутко пьяны, и начнется такая катавасия, что даже оленеводы услышат.

А Костя шумно дышал и как будто бы выныривал, пугая глазами:

— Ты, Рогалик, меня не боис-сь... Я хоть и электрик... Но не шибко... Тока во мне счас нет. Дай я только на тебя погляжу... — его пальцы тыкались по разлетайке, не находя пуговиц. — Я лишь погляжу на тебя и п-п-онюхаю. Знаешь, я без женщин...

— Отстань! — выдавила Галя, отдирая его пальцы.

Не получилось. Твердые прутья схватили её за шею и стали сжиматься. Галя увидела в глазах у

электрика Синёва действительно какие-то страшные разряды. И сдалась, даже вяло подставляя ему эти непослушные пуговики. А Костя враз остыл и, когда вылетели белые на румяном теле груди, зажмурился и отпрянул, потом уткнулся, проведя носом по ложбинке.

— Вот и всё!— сказал совершенно трезвый Синёв, неловко подымаясь с картонного хлама.

— Всё, — бессмысленно эхом повторила Галя и даже руку ему подала, чтобы тот поднял.

Потом, уже значительно позже, она поняла, что чем-то была разочарована, и странно, что руки у Кости гораздо мягче кирпичных шершавых рук мужа. Но это потом, как на Кубани говорят, в свиной голос. А тогда она только и сообразила сказать Синёву:

— Ну ты, Кость, даешь! Зачем ты эт-то...

Костя и сам не знал зачем.

И пошли трезвые обычные дни: сибирские пельмени, армянский шашлык, кубанский борщ, фирменные рогалики. И тот Костя Синёв по-прежнему мигал, шутил и белозубо смеялся, как будто ничего и не случилось.

Под зиму, чтобы Маришка не простужалась, решено было отправить на «большую землю» Галя с дочерью.

Конечно, Галине хорошо заплатили, а Васёк выпросил ей вдобавок свои деньги. Почтой их отправлять боялись, через банк тоже. А посему Галя все деньги распределила по чашечкам бюстгальтера, крепко зашив их там.

Васёк повертел своего Рогалика — ничего в ней не хрустело. И твердо сказал: «То, о чем мечталось. Ты теперь и машину с собой носишь, и царскую кровать».

— Для утех! — грустно улыбнулась она мужу.

— Счастье буром прёт! — потряс её, как решето, Васёк. У него были радостные глаза. Кажется, он еще любил свою жену.

Счастье пёрло! Надо еще добавить к этому, что там, на «большой земле», умер дядя Толя, Галин дядька, и оставил по завещанию любимой и единственной племяннице свою квартиру на третьем этаже почти нового дома. Поехать на похороны дяди Толи не получилось. Даль-то вон какая, и самолеты из-за погоды не летали. Так что теперь было место для царского ложа.

Приехав домой, оформив все бумажки, Галя, исполняя мужнин наказ, купила красавицу кро-

вать с лакированной инкрустацией, с упругим матрасом, оттолкнувшись от которого, можно взлететь до луны.

Мужнин звонок прозвучал перед Новым годом. На пороге покачивался небритый, измызганный мужик, смутно напоминающий Васька. Надо отдать должное Галиному уму. Она ничего не сказала, просто жестами показала вроде бы и не пьяному Ваську, что надо раздеться, оставить шмотки в прихожей. Васек её не обнимал, и она почему-то тоже — брезговала, что ли...

Он повиновался её взгляду, жестам. Галя включила горячую воду в ванной. Васек после водных процедур еле-еле добрался до царского ложа, ничего не замечая, и тут же мертвецки уснул.

Утром Васёк во всем признался. Денег у него осталось кот наплакал. И всё из-за заразы Романа Кутнаева. Это он затащил его в вагон-ресторан. Ромка в том же направлении ехал на Ставропольщину. И они с этим «грёбаным» Ромкой стали пить, радуясь свободе и будущему новогоднему празднику с деньгами. К обеду в ресторан стали стекаться мужики — какие-то левые. Раздухавшиеся свободные люди стали угощать этих мужиков коньяком. Бутылка коньяка стоила примерно столько же, сколько овца у них в станице. Об этом всё тростил¹ Роман Кутнаев. Он же в приливе пьяной откровенности и выдал страшную тайну. Страшную тайну!

И теперь Васёк глядел на жену твердым взглядом, а потом этот взгляд угас, словно Васёк испугался:

— Ты с этим Костей Синёвым никаких шур-мур?

— Дурак! — отрезала Галя. — Дурачина!

Васька это обрадовало, и он тут же перевёл разговор:

— Ну, вот мы и насинячили, насвинячили, уж не помню — день, два, три.

— Завтра поедем на рынок «Мерседес» выбирать. И для этого ты должен быть трезв как стеклышко.

Все же, несмотря на загул в поездном ресторане, им везло. Ведь квартира, машина и кровать — вот! Васёк одобрил шикарное ложе. И выдержал испытание. Они купили вполне сносную подержанную машину немецкого прочного качества.

¹ Тростить (диал.) — здесь «упрямо говорить, настаивать».

Трагедия случилась на старый Новый год.

Несмотря на крупное везение, Васёк порой был молчалив и глядел на Галю странным, будто испытывающим взглядом. Будто он её и не узнавал. И если выходила близость на царской кровати, то она была какой-то механической, отстраненной. И руки у Васька были такими грубыми, что одно прикосновение рождало стаи холодных мурашек на спине.

На старый Новый год он хлебнул с друзьями и с собой принес бутылку сухача.

— Счас мы будем разбираться! — пообещал Васек и зашнырял глазами по всем углам. — А где Маришка?

— Да я её с ночевкой оставила у Оксанки — подружки.

— Это м-м хорошо... А закусить что-нибудь?

— Счас подам. И вот яблоки на столе, сухое ведь...

— Н-ну, н-н... — из уст Васька выходило что-то неопределенное. Непонятно что.

Когда выпили, Васек, откинувшись на спинку стула, спросил:

— А где часы?

— Какие часы?..

— Не валяй дурочку. Ну что я тебе на восьмое подарил.

— Хэ, да они сломались сразу. Китайская шняга. Я их Марыське и отдала. А она потеряла.

— Врешь! — качнулся на стуле Василий. — Где часы? Покажи...

— Я, кажется, уже сказала.

— Я знаю, где они.

— Ну! — улыбнулась Галя бегло и как бы шутя. — Ну!

— Они у Костика?

— Какого еще Костика?

— Не притворяйся, знаешь какого. Костика Синёва, электрика нашего.

— Опять спятил?!

— Ведь я тебе про секрет-то и говорил. Но я промолчал тогда. А мне Ромка по пьянке все доложил. Ехали мы в том ресторане. А он говорить не хотел... Но я его зацепил... Где часы? Знаю, знаю вас, баб... У Костика... М-м-м, вот ты мне с ним, милый мой Рогалик, рога и наставила... — Васёк шумно высморкался и опять жестко поглядел ей в глаза. — Где часы? — тихо проговорил он. Уж лучше бы крикнул. Его рука потянулась к

ножу, которым недавно резали хлеб. — Ча-сы! — кажется, он даже испугался чего-то.

А уж она еле отодрала ноги от линолеума в кухне и метнулась в зал — слышала его прерывистый задых и все же смогла шмыгнуть в незапертую дверь лоджии. А закрыться там от Васька не успела. И тогда Галя, ничего уже не понимая, сшибая горшок с комнатным растением, перевалилась через перила лоджии.

Третий этаж. Галя осталась жива. Сломала себе позвоночник. И никакие деньги не помогли. Васёк испуганно совал их, как в том поездном ресторане, направо и налево. Доктора брали, но говорили, рдея лицом: «Спинальный мозг — тонкая штука».

Так и осталась Галя одна растить Маришку, потому как через полгода абсолютно трезвый Васек ушел от нее к нянечке из детского сада, в который ходила его дочь. К какой-то Соне Абрамовой!

— Естество берет! — оправдывался мастеровитый каменщик.

У кого как, но и на этой широкой постели время летело быстро. Не успела Галя оглянуться, как дочка уже стала взрослой, почти взрослой. И как было много роздано вязаных вещей из шерсти и мохера, меланжевых свитеров и вязаных крючком пледов. Вязаное пальто уже вполне подходило Маришке.

Были прочитаны все романы Александра Дюма, «Марго» и «Виконт де Бражелон». Рядом с Галей лежала Библия. Порой она листала её, вникая в трудные слова и такой же трудный смысл. И, может быть, под влиянием этого Священного писания она создала свитер для Васька. У него ведь спина болит от этих своих сквозняков. А что та Абрамиха, разве она может забиться о нем? Не может.

Создала для Васька! Это было бы так гуманно, как у французского писателя Дюма или в святой книге, если бы не сидела в душе заноза. Может, это укор вроде мелкой мести — чем его ещё взять?

А под Рождество, еще холод свистел, она позвала свою Маришку и подала ей пакет со свитером для бывшего мужа:

— Я знаю, ты ведь с ним встречаешься, с отцом-то, отдай ему. Ну, скажи что... Ну... придумай что-нибудь!

БУКАНОВА

рассказ

Вызвали другого свидетеля, тоже волей какой-то бюрократической магии попавшего в «Дело» о краже денег у гражданина Морковенко. Им оказался владелец большого фермерского хозяйства (КФХ) негр из Сомали Сухейль.

– К вам, Сухейль... Как вас по батюшке?.. Устраивалась гражданка Буканова?

– Нэ трэба... Скажэний як... Нэ бачив... – только бормотал он в ответ.

Смех в зале не мешал Ивану Ивановичу Турнепсу поглядывать на подсудимую, которая почему-то теперь ёжилась, будто её бил гриппозный озноб. Турнепса радовало и другое – то, что гражданка Буканова раза три с интересом взглянула на сурового, сдвигающего кустистые брови судью. Он с радостью подумал: «Производит впечатление!»

Дело уже близилось к оглашению приговора. Однако сам приговор в уме Турнепса не вызрел. Он, взглянув на точеное ушко подсудимой Букановой, так и решил: «Приговор не вызрел». Кое-каких нюансов не хватает. И в этой 158-й статье УК РФ громадная вилка, на одном рожке которой были 180 часов принудработ, на другом – пять лет лишения свободы. Надо ненадолго отложить дело за недостаточностью улики и свидетельств. Пусть доследуют. И пусть эта Буканова заглянет к нему вечером в кабинет для беседы. Турнепс сказал, обращаясь к прокурору Селезневу и адвокату Рындиному: «Иногда вот так по душам поговоришь, им все станет ясно, кто поп, а кто попадья».

Такое заключение поставило в тупик и строго блюстителя закона, и неподкупного защитника. Но они согласились с Турнепсом. Подсудимая все равно находится под подпиской о невыезде.

Турнепса трогали не только телесные прелести подсудимой Букановой, а и то, что она была бедна. Да, так бедна, что это приводило в умиление. Он уже точно знал, что после кабинета они с той самой подсудимой Букановой двинут на базу в служебную гостиницу «Фемида», отгороженную от простого люда зарослями водолюбивых лотосов. И он будет галантно угощать гражданку Буканову прохладным шампанским, румяным шашлыком, золотистой осетриной. И та будет млеть над всей этой прелестью под картиной художника Василия Перова «Охотники на привале». Как все же хорошо, что на свете не перевелись красивые бедные женщины! Он уже знал из материалов дела, что гражданка Буканова «уважала» ветерана Морковенко, за деньги выставляла ему приправленную тональным кремом «Балет» грудь. Подставлять-то подставляла, но слямзила у него эти жалкие деньги.

Вера Буканова на прямое предложение судьи Турнепса поехать на чашку кофе в кафе «Фемида» согласилась сразу, ломаться не стала. У нее был ум. И она понимала, что, откажись она от этого – будущий приговор станет суровым, её точно усадят лицом к параше. А тут? А тут не убудет от нее, чай, не девочка.

В гостинице «Фемида» она вела себя как надо, раскрепощенно. Прихлебывала шампанское, азартно грызла жесткий в подпалинах шашлык. Дошло дело до бразильской широкой с колокольчиками кровати.

Вера не стала жеманничать, не зажимала зубами простыню, как фальшивка. Но зачем-то предупредила Турнепса: «Я ласковая, но у меня бывает клеммы перемикают, плюс с минусом путаю». Турнепс на эти слова что-то мирно промурлыкал.

После довольно удачной постельной сцены наслаждались сухим шампанским. Явно помолодевший Турнепс наливал из серебряной бутылки, с отлетом локтя, как гусар, и расспрашивал Веру – откуда она да и что.

– По глотку бургундского, по глотку, Верунчик! За нас!

Вера так же охотно отвечала. Мол, из таджикского города Куляб, там чурки совсем озверели, жгут русские дома. Вытесняют.

Она, насытившись и опьянев, машинально перебирала в руках столовые приборы, щипчики мельхиоровые, тяжелые вилки, ложку для торта.

– Я прислугу отпустил, – Турнепс вяло развалился рядом в смешных с русским орнаментом трусах. После каждого своего вопроса он тянул свои жирные от еды губы и звучно чмокал Веру в розовую щеку. Это было отвратнее, чем постель с ним, но Вера терпела. Короче говоря, допрос продолжался в гостинице «Фемида», но был он, по мнению Турнепса, душевным.

– А зачем ветеран Морковенко заявление в милицию подал?

– Зачем, зачем... Жениться на мне хотел, одна дурь в голове, опилки одни, как у Винни Пуха. Говорит, только лишь спать со мной будешь, а я тебе все имущество отпишу. Дом, облигации какие-то. Я... отказалась...

– Это так романти... Ну, вот ты деньги... того... взяла.. Куда же ты их?

– Надо было какой-то шеврон золотистый на Надькину кофту покупать. Казачий класс. Форма. Да польстилась. Банку ананасов в сиропе детям купила... Пепси-колы... Больше ничего не успела. А вы меня отпустите, не садите? А, Иван Иванович?!

Он пробормотал, наверное, по-латыни «Fortuna non renis? In manus non recipere». Не очень-то приличное, можно догадаться. И повторил уже понятно: – Удачу, гхэм, в руки не возьмешь. Что ты, глупая. Кого люблю, того не бью. Давай, Верочка, так договоримся. Я тебя подчистую оформлю. Хотя это и трудно, все ж пострадавший – ветеран. Сейчас на них молятся. И помогать тебе буду, а ты станешь сюда приезжать со мной. Станешь ведь?.. Ишь у тебя ладошка – лодочкой, станешь, Вер?

– Угу, стану, стану... Я помоюсь, – взглянула она на Турнепса. – Душ приму.

Тот, разомлевший, кивнул:

– Помолюсь? Ты что, верующая? Церковь посещаешь?

Ходила она в церковь. Недавно. Была... Хотела спросить, как дальше жить. Отец Лукерий (он раньше звался Леонидом, в спортзале японское карате показывал) потряс ее за локоть: «Извини, гражданка, потом придешь, сейчас неколи², из епархии по электронке письмо пришло, к Троице портфолию на наш храм готовить надо. На видео литургию запечатлеть».

– Помоюсь я, Иван Иванович?!

– Сделай милость. А я пока подремлю! – Турнепс отвернулся к стене, к «Охотникам».

Засыпая, он подумал, что как все же хороша эта Вера и как было бы здорово жить с ней всегда, видеть ее резное ушко, слышать бархатистый голос. И тело ее пахло сизым колокольчиком. Жить с ней, а не с толстой свиньей Тamarой Евгеньевной, которую по утрам хочется удушить.

Вера осторожно открыла дверь в ванную комнату. Она боязливо оглядела ее никелированный блеск, мрамор и малахитовую зелень кафеля, зеркала там и сям, чтобы зреть себя в полном объеме. Пушистые, наверное, персидские полотенца (кто только ими обтирается?) – целым рядом. Косметических приборов на толстых стеклянных полках, шеренги гелей, скрабов, притинок... Для чего, для кого?

Конечно, она и раньше предполагала, что существуют на свете дворцы с золотыми унитазами и кибернетическим подогревом, фарфоровым подмывом и прочей нежностью. Но все это было где-то за гранью, как в телеке.

Вера оглядывала прелести, обдавая свое тело тугой водяной струей, надеясь на то, что выскоблит черноту и грязь на теле и в кишках. Вроде бы смыла, вроде бы. Вытерев всю себя и накинув прохладный желтый банный халат, она вернулась в комнату к благодетелю Ивану Ивановичу Турнепсу. Тот дрых уже на диване под картиной Перова «Охотники на привале».

Буканова, онемев, долго глядела на его опущенные птичьи плечи, покосившийся мешковатый живот, на рыжий волос, кольцами увивший плечо и кисть руки с крепкими еще стальными ногтями – когтями.

Ей стало его жалко. Старый... Скоро умрет.

² Неколи (*диал.*) – некогда.

Старик старый, сто два года, из порток летит погода. Она вспомнила о том, как с досадливой жалостью выбраковывала коров в Кулябе. Рядом на высоких каблуках брезгливо ходили таджики.

Жалость только подогнала злость.

— Разве это птица? — сказала она сама себе. — Разве птица? Где его аспидные крылья? Это скунс, вонючее животное! Удача в моих руках, — и дурно рассмеялась, не боясь того, что судья услышит.

Вера схватила телевизионный пульт, лежавший рядом с оголённой шашлычной рапирой на краю стола. Ей, что ли?.. Она уже знала, что делать с этой мушкетерской штукой, и включила телевизор. Там, как в карточной игре, слоились человеческие головы. Она прибавила звук. Иван Иванович не просыпался, даже желтое веко не дрогнуло.

Вера выключила телевизор, потом опять включила его:

— Вонючий скунс! — и облизала сухие дрожащие губы. Её лихорадило.

Дальше она сама себя уже не помнила. Её переключило! Это был своего рода припадок. Вера видела себя со стороны, как в том же телевизоре. Как будто она сама вышла оттуда, из стеклянной стены экрана. Она подгрестила со стола первое, что попало, — темную вилку, и шагнула к дивану. Другой рукой подсудимая Вера Буканова приподняла тяжеленную голову Турнепса. Главное — не перепутать клеммы. Отомстить!

Вот говорят ведь: «Не помнят себя». И ведь тогда она не помнила, когда тырила деньги.

Вера мотала головой. Деревянный язык сипел. Мозги плавилась, голос чужой: «За старика Чингачгука (фиг ему, а не демонстрацию «сиси!»), за мужа пьяндалыгу Василия (он-то при чем?), за дочь Надьку в рваных колготках (будущую потаскуху!), за горный город Куляб (пусть в чадру замотаются!), за биде в розовых завитках (никогда такого не иметь!), за это вот лягушачье дерганье Турнепса (самое что ни на есть настоящее)».

Отмщение! Глаз за глаз! Отец Лука. Воздам. Портфолио.

Она подняла тяжелую тупую голову Турнепса.

— За это, за это, за э-э-э-то?

«За что?» — мелькнуло в голове. И в это самое мгновение раздалось петушиное кукареканье. Громко. Она оглянулась на телевизор. Там подпрыгивал электронный будильник. Реклама — в безумной медной пене бушевал петух. Кочет клекотал. Тужился. Высоко поднял грудь.

И тут же опять с железным раскатом громыхнул:

— Бр-rrr-рось!

Или «Брр-рьсь!» Или еще чего.

Вера откинула тупую голову Турнепса. Вилка упала на ковровую полосу у кровати.

Она туго зажмурила глаза и тут же открыла их. Петуха смыли тикающие цифры. Телевизионный экран сообщал чудную погоду на завтра.

Турнепс тяжело храпел, выпуская на подушку детскую струйку слюны.

Не помня себя, Вера кинулась в узкий коридор базы «Фемида». Она испугалась не того, что вот сейчас могла убить человека. Человека ли? Чело века? Чело. Веки.

Выскочив на волю, Вера обмякла и увидела поднятый мост через канал, по которому они въехали сюда вечером. Мост этот поднимался зелеными рубчатými электродвигателями.

— Бры-ысь!

Она увидела под ясным светом полной луны темные листья не распустившихся еще лотосов. В воде цветы жили семейно, кулигами. И цветы тоже были в плену, как и она. В её технаре девчата шутили: «Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться...»

Не-ку-да, не-ко-му.

Странно, но под действием этой живой шутки из прошлого Вера стала оживать. Она огляделась и заметила за темным неживым кустарником лодку, приткнутую к пологому берегу канала. Лодка была прицеплена. Вера подошла ближе и увидела, что цепь только накинута на толстый штырь, вбитый в землю. Она легко откинула светлое вытертое кольцо на цепи и прыгнула в лодку, едва не свалившись с нее. Тут только Вера увидела себя в гостиничном желтом халате. Вёсел на дне лодки не оказалось, валялись чья-то шляпа да запутанный клубок рыболовной лески, рваный ржавый поролон.

Ладно, пусть в халате, буду действовать ладонями, букашки всегда ползут медленно. Она опустила ладонь в воду и стала грести. Но лодка не страгивалась с мертвой точки, будто ее приклеили. Лодка — та же букашка, но крупнее.

Вера заработала энергичнее. Посудина стояла. И тут Вера заплакала, сползая на дно лодки. Плакала ли? Скорее выла, тоненько, как в какую-то хлипкую трубочку. И плач этот ее спас. Уже без слез она увидела на небе лунный шевелящийся диск. Словно там, на луне, шли невиданные, неслыханные события, вполне равнодушные к землянам. Странная мысль: уж не ражий ли рыжий петух слетел с луны в тот момент, когда она страстно желала ткнуть вилкой в жилистую, как сухая картофельная ботва, шею Турнепса.

Петух тот не Турнепса спас, а её отшвырнул, как от чьих-то роковых колес. Её спас. Кто спас её. Неучтенный Бог? Провидение? И что? Остаются на свете Турнепс с Чингачгуком. Никто их не приструнит. И будут ее тело и её душу швырять, шелкать, гнобить с разных сторон. «Фортуна нон пенис». А Вера будет колоться иголкой, штопая Надькины колготы. И верить, как это в школе учили: «Взойдет она, звезда пленительного счастья».

Как же жить? Как жить?

А рядом с луной перемигивались звезды, будто передавая друг другу важные известия. О ней. Точка-тире. Может быть, о той же деревенской птице, спасшей Веру. Она неожиданно поняла, что Букашка, Буканова, это просто фамилия, а имя ее — Вера. И имя дается не просто так, а это марка, клеймо, провидение. И ей надо верить, несмотря на то, что рыженький поп-бюрократ снимает видео для портфолио. И ему пока не до Веры.

Вера Буканова поднялась и вдруг увидела, что лодка качается, что она отчалила от берега, что отнес ее от причала легкий ветерок. От причала и от пленных лотосов — на середину канала. Куда этот канал ведет? Тоже никто не ответит. Она опустила свою пригоршню в теплую ласковую воду, ниже, глубже. И лодка уже слушалась её, с трудом, но слушалась. И уже было не важно, «куда пойти, кому продаться». Главное: вода — с живым теплом, там, внизу, спят, колышутся серебряные рыбы, а сверху — влажный воздух пахнет доверчивой и чувственной, как и она сама, ночной фиалкой.

□

Николай Алексеевич ИВЕНШЕВ

родился в 1949 году в селе Верхняя Маза Ульяновской области.

Поэт, прозаик, публицист.

*Печатался в журналах «Москва»,
«Наш современник», «Дон», «Родная Кубань».*

Собкор газеты «Литературная Россия».

Лауреат различных российских и международных конкурсов.

В 2005 году получил диплом «Серебряное перо Руси».

Член Союза писателей России.

Живет в Краснодарском крае.

В журнале «Север» публикуется впервые.

